

РАСЧЛ

Сергей Гребнев Бестиарий



КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

18+

Содержит
нецензурную
брань



И под...
На всех...
Всех!!!
С... не в...



Книжная полка Вадима Левенталя

Сергей Гребнев

Бестиарий

ИД «Флюид ФриФлай»

2020

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

Гребнев С.

Бестиарий / С. Гребнев — ИД «Флюид ФриФлай»,
2020 — (Книжная полка Вадима Левенталя)

ISBN 978-5-907220-26-3

Хронотоп рассказов Сергея Гребнева – Петербург девяностых; тот самый город «Улиц разбитых фонарей», «Бандитского Петербурга», «Окна в Париж» и балабановского «Брата». Герои этих рассказов – подростки, юноши; в другое время они сели бы за штурвалы самолетов, отправились бы в полярную экспедицию или строили бы новые города. Но на дворе девяностые – поэтому они пьют дешевый спирт, принимают наркотики и состоят в запрещенной на территории РФ партии. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907220-26-3

© Гребнев С., 2020

© ИД «Флюид ФриФлай», 2020

Содержание

Бестиарий	6
I	6
II	9
III	16
IV	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Гребнев Бестиарий

*Я принесу тебе цветы
И растопчу у двери,
Все потому, что я и ты —
Звери.
Андрей Гребнев*

© С. Гребнев, 2020

© ИД «Городец-Флюид», 2020

Бестиарий

I

Я все ждал, когда ему наконец надоест кривляться перед мамой. Она была на передовой. Отец жил со своей новой семьей, где у него наконец все устаканилось в прямом и переносном смысле. Дедушка и бабушка обитали в двух часах езды от Питера, как те три обезьяны: не вижу, не слышу, молчу. А мама – вот тут вот.

– Мамуля, я задержусь немного, Серега со мной. Все нормально, целую, – звонил он ей из таксофона, а потом мы шли пить.

Мне он много не позволял.

– Эй, эй! Тебе хватит! – урчал он на крыше пятиэтажки перед тем, как, грохнув стакан водки, купленной у таксистов, ложился и блевал, свесившись с крыши. Я слушался, да и парни, все понимая, не наливали больше, чем разрешал старший брат.

– Андруша, хватит уже! – причитала все еще верящая в чудо мама, отпаивая сына чаем по вечерам.

– Мамуля, – говорил он, – дай отгуляю, уже наметки есть на работу, устраюсь. Все хорошо будет, обещаю!

И она верила, наблюдая сквозь пальцы, как он все гуще и гуще заливает обеденный стол с дешевым печеньем так нежно и с любовью налитым в чашку чаем. Но улыбалась она все реже и как-то несчастнее. И было от чего.

Месяца два он проходил хорошим сыном. Заглядывал с серьезными намерениями к Аниной маме, угощался благодушием и фирменным черничным пирогом Ларисы Сергеевны. Вместе с Аней ездил к бабушке и дедушке. Аня нравилась всем, и советские пуритане позволили им лечь в одну постель! Постелили в гостиной на скрипучем, старом, кажется, венгерском диване. Я не спал в соседней комнате и слышал, как там все скрипит и постанывает, как шепотом хихикает и гремит бутылками в баре под телевизором брат. Слышал и завидовал, ну и рукоблудил. Храпел только дед, бабуля ворочалась слишком осторожно для спокойно спящей. И вот с утра бабушка уже что-то шептала Ане на ухо, что-то женское, наставительно улыбаясь и кивая, глядя по плечу, а Аня смущенно краснела и, играя ямочками на щеках, опускала глаза. Брат самодовольно ухмылялся, а я злился, чувствуя себя еще ребенком, опять лишним в жизни уже совсем взрослого брата.

– Пойдем покурим, хватит таиться! – зовет дед Андрея на балкон.

– Ну вот, ему уже курить в открытую разрешают! А я что? Где я-то у вас? – злился я.

И свадьбу уже обсуждали. Бабушка аж о правнуках заикнулась, допустив слезу в голосе. Дед напутствовал: на работу, мол, надо сначала, ну а так поможем, конечно; и троекратно побрежневски целовал Аню, проводя нечаянно рукой ниже талии. Когда уезжали, дали молодоженам рюкзак продуктов, его тащил я, плетясь сзади влюбленных, державшихся за руки, и гадкой казалась милая и даже сочувственная улыбка Ани. Единственное, что грело мне душу, это то, что знал об этом чудовищном обмане только я. Оставаясь один, я зло хихикал и потирал руки. Спектаклю жить недолго, представление идет к концу, и финал вас, родные и близкие, неприятно удивит.

Занавес поднимается, актерам аплодирую только я, и то внутри. На сцене обычная, советских времен кухня, большая, но бедненькая, стол из грубой доски, скамейки, холодильник «Саратов». Разбухшие от старости, топорщатся дээспэшной стружкой кухонные шкафы. Женщина в халате (мать) нервно трет губкой электроплиту «Лысьва». Уже откричалась. Глотая

слезы, надрывно шепчет: «Сволочь, скотина, ублюдок!» В кресле, развалившись, сидит молодой парень с панковской помойкой на голове, в рваных на коленках штанах (сын). Он хохочет. Не стесняясь, ругается матом: «Мама, бля, все это хуйня!» Видно, что он сильно пьян. Женщина выбегает из кухни, мелко дрожа. Молодой человек, улыбаясь, смотрит в пол, с трудом моргая тяжелыми веками. Возвращается мать с пачкой конвертов, демонстративно рвет их и кидает в помойное ведро. Это письма сына из колонии. Сын запрокидывает голову и гогочет: «Давай, давай, мама, все это хуйня!» – орет он, хохоча и тараща глаза. Мать стоит у раковины, тяжело дыша, опустив руки, по ее лицу ручьем текут слезы. Она громко охает, округлив глаза, смотрит на сына так, словно видит его в первый раз. Прикрыв рукой рот, опять шепчет: «Господи, какая гадина! Подонки!» – и убегает со сцены. Сын в кресле смеется очень зло и совсем не весело.

Занавес. Антракт.

Анин папа бывал дома редко, но все всегда помнили, что он есть. Его присутствие чувствовалось. В серванте, где многие держали хрусталь или книги, у него, отражаясь и умножаясь в зеркальных стенках, стояла целая батарея по-иностранному расписанных бутылок с водкой. Это была его гордость. И тут же стояла, с бутылками рядом, папина фотография: усатый, веселый, в капитанской форме. Каждый, впервые попавший к Ане в квартиру, обливаясь, всегда удивлялся: «Ух ты, откуда это?» – «Папа коллекционирует», – отвечала Аня, и улыбался гордо с фото папа-коллекционер. Чего там только не было! Весь земной шар можно было изучить по этикеткам. Водку эту не пили, как многие не читали книги и не ели из хрусталя. Сначала брат под испуганное моргание Ани, под ее нервный смех отливал водку, заполняя те, иностранные бутылки водой, потом, обнаглев, просто стал их брать. Как-то вечером брат пришел домой пьяный и расстроенный. «Я с Анькой поссорился, а мать ее овца! Овца, блять!» – сказал он мне и ушел в свою комнату. Чуть позже зазвонил телефон.

– Сережа, а Андрея можно? – спросила, сдерживая слезы, вся такая разнесчастная Аня.

– Он спит. А что случилось?

– Да ничего, Сереж! – она замолчала, всхлипывая.

Я тоже помолчал. Потом она шепотом и очень быстро заговорила.

– Сереж, он пришел сегодня уже пьяный, – бедняжка еле сдерживала рыдания, – взял опять из серванта бутылку водки, мы с ним посидели немного, и тут мама! Все, не могу говорить, передай ему, что я люблю его!

Аня повесила трубку. Я послушал гудки как продолжение разговора: ту-ту-ту-лю-блю-лю-блю. Повертел трубку в руках. Когда там уже зашипело, примерил на себя это «люблю», поспешил и осторожно положил трубку на рычажки.

– Серега, брат, сгоняй за пивом! – стонал брат утром.

Была суббота. Сквозь грязное окно мерцало солнце. Я стал одеваться. Брат, улыбаясь, тер в дверях виски.

– Слушай, Андрей, вчера Аня звонила. Что случилось? – спросил я.

– Мать ее, сука, приперлась раньше времени! – Он морщился и разглядывал свои ногти на пальцах руки.

– И че? – Мне были нужны подробности.

– Да ничего, я ее только выебал, она...

– Кого, мать? – спросил я.

– Ха-ха! Наверное, и ее надо было! Ха-ха! Фу, гадость! – он сплюнул всухую. – Аньку, дурак! Она в ванную ушла, я сижу мудями наружу, водку пью, немецкую вроде. Тут эта дура! Я ее и не заметил сразу. Тут она как заорет: «Аня-а-а!»

Он изобразил очень натурально Анину мать, скорчив гневно-глупое лицо, я засмеялся, он, довольный, тоже.

– Ну и, короче, ушли они на кухню, орали там, я оделся, заходит плачущая Анька и говорит: «Андрей, тебе надо уйти!» Я говорю: «Пойдем со мной». Она отказывается, жметесь, хлястик халата теребит. Ну я хватить бутылку, все равно ополовиненная, а эта: «Андрей, не трогай!» Я из горла допил, пошел, ботинки надел, обнять ее хотел – шарахнулась от меня! Я ей и говорю: «Дура ты, Анька, и мамаша твоя сука!» Специально «сука» громко сказал! Анька на меня руками замахала: «Уходи отсюда!» Ха-ха! А мамаша, видать, подслушивала из кухни и как заорет: «Аня!»

Он опять скорчил рожу, мы посмеялись.

– Ладно, давай дуй за пивом!

– А деньги? – вспомнил я.

Он поморщился и всыпал мне в ладонь какую-то мелочь. Я подхватил десятилитровое ведро и вышел. Идя к ларьку за разливным пивом, я улыбался. Ссора их эта, даже не знаю почему, была мне приятна. И представлял я там голым с водкой себя. А еще представлял голую спину без ненужной полоски лифчика, представлял, вздрагивая, голую, круглую, почему-то румяную попу, вздрагивающую при ходьбе туда, в ванную, уже после этого. А вот после чего «этого» – фантазии еще не хватало.

Вечером мать Джульетты звонила матери Ромео. Конечно, извините, и, мол, она, конечно, все понимает и не матери Ромео это вина. Но вот желательно очень, чтобы сын ваш непутевый и, извините меня, Нурия Галимзяновна, просто подонок, больше никогда к их дому и к Ане не приближался! Маме было стыдно за сына. Она со всем соглашалась, громко вздыхая на всю квартиру. Повесив трубку, она долго сидела в коридоре у тумбочки в позе, к которой я так и не смог привыкнуть: сгорбившись, локти на коленях, одна рука безвольной, уставшей ладонью вниз, и капает с красных пальцев вода (когда зазвонил телефон, она мыла посуду), вторая ладонь прикрывает рот, расширенные глаза, стеклянный взгляд куда-то в угол, в пол, медленно текут слезы. Сидеть она так могла часами, медленно раскачиваясь вперед-назад, назад-вперед. Брат еще тайно повстречался с Аней какое-то время. Мама Ани звонила опять, мол, просила же, а вот уже от дочери алкоголем пахнет! Наша мама молча вешала трубку. Потом приплыл папа-капитан, по-отцовски повлиял на дочь. Бедная Анна отказалась от любимого. К тому же пришла пора поступать в институт. Через несколько дней после окончательного разрыва с Аней брат выбрил ирокез, покрасил его зеленой и стал пить с утроенной силой.

II

– Все, это последние! – сказал я шепотом и поставил перед Сашей Лебедевым по кличке Молль четыре пол-литровые бутылки водки.

Он кивнул.

– Эти готовы? – спросил я, показав на три другие, лежащие в траве.

Он кивнул снова и начал отжимать перочинным ножиком блестящий колпачок очередной поллитровки. Я взял три готовые, засунул за ремень штанов, прикрыл футболкой. Осторожно выглянул из кустов. Бабушка с дедушкой копались внаклонку в огороде. Я обогнул дом и зашел на веранду. Там брат и Андрей Разин по кличке Чинарик вытаскивали еду из холодильника.

– Все, брат, последние, – прошептал я.

– Сколько получилось?

– Больше литра будет.

– Хорошо! Иди бери деньги. Чин, на шухер.

– Если что, покашляю, – растянулся беззубый рот Чина в улыбку.

Я зашел в комнату стариков. Поставил бутылки на место, за камин, к другим. Все они уже были разбавлены Моллем. Водка – зарплата рабочим. Проклянут. Деньги дед хранил в фанерной тумбочке. Тумбочка старая, послевоенная, выкрашенная марганцовкой. На ящичках ручки из консервной банки. В одном тайник, двойная стенка. Пачки мелких купюр перехвачены крест-накрест лентой Сбербанка. Это пенсии. Аккуратно, чтобы не повредить бумажную ленту, вытаскиваю по несколько купюр. Сложил урезанные пенсии обратно. Выглянул в окно – старики трудятся. Вышел на веранду, передал деньги брату.

– Отлично, Сид, теперь вытаскивай с Чином вещи. Только тихо! – шепчет он.

Берем собранные рюкзаки, выходим. Пригнувшись, скрываемся в зарослях смородины, цепляем Молля с литром. Обходим стариков за шиповником. Огородом к выходу, к лесу, к свободе! По приказу брата заскакиваю в курятник, выбираю пожирнее. На меня косится вожак-петух, потряхивая сочным бордовым гребешком набекрень. Он знает силу удара моей ноги, поэтому лишь возмущенно кудахчет, потрясая мясистой бородой. Услышав человека, замекала коза, подпел басом боров Боря. Зажав курицу под мышкой, выскочил из курятника. Прощай, животное! Как же вы все мне надоели! Бегу в лес. На кочках курица испуганно икает. Глупая вроде птица, а четко чует свою судьбу. У ручья ждут товарищи.

«Убей ее!» – говорит брат. Откручивать курицам головы надо уметь. Я же обычно пользуюсь топором. Зажимаешь в левой руке ноги и концы крыльев – и на плаху. Только кладешь ее на чурбан, замолкает и сама шею вытягивает, смиряется. Только петух до последнего борется, и режут его последним. Курица хрипит, дергается, кручу и кручу. Все смеются. И вот все кончено. Брат протягивает стакан. «На, заслужил!» – улыбается он. Пьем по очереди из одного стакана. «Ну, Сид, за свободу!» – говорит брат и залпом выпивает полстакана. Закусываем краковской. Одиннадцать утра. До станции полчаса по лесу. До Питера два с половиной часа на «собаке».

Наши товарищи приехали вчера вечером. Диким лаем встретил их пес Дик. Огромный, ожиревший, беспородный урод, живущий на правах члена семьи. Бабушка сразу почувствовала неладное при виде двух неприятных типов у калитки. Один повыше, другой пониже. Тот, что пониже, Чинарик. На голове натерты мылом волосы торчком – панковская помойка. Мелкие, мышинные черты лица. Черные, слегка удивленные и злые глаза. Природное заикание навсегда искорежило губы, скривило на сторону. Губы эти все время в улыбке, обнажающей изрядно прогнившие зубы. А когда смеется, кажется, что он чем-то подавился. Уже не белая футболка с надписью «Эксплойтед» по-русски шариковой ручкой на всю грудь. Черные, рваные на коле-

нях джинсы, солдатские битые берцы. Мягкий весь. Похожий на подмокший окурочок. Тот, который повыше, Молль. В его детстве, когда Саша делал средние шаги в средней школе, на уроках немецкого языка показывали обучающую передачу. Одной из ведущих была кукла. Странное существо: то ли клюв с глазами, то ли нос – точь-в-точь как у Саши, огромный и горбатый. Звали его Молли. «Вас из дас, Молли?» Саша говорил, что в детстве упал лицом на ступеньку, но ему никто не верил. Детское прозвище прилипло на всю жизнь. Остальное лицо было под стать носу. Надбровные дуги вылезли из черепа, вытащив за собой лобную кость, нависли над глазами, которые зло оттуда, из темноты, подглядывали за миром. Под носом повисли тонкие губы, из-за которых чернели пеньки сгнивших зубов. Щуплый, но жилистый, в черной футболке и джинсах. Патлатый.

С нескрываемым недовольством пустила бабушка неприятных товарищей в дом. «Есть садитесь!» – раздраженно пригласила к наспех накрытому столу и ушла в комнату. Зашел дедушка, повесил на гвоздь ключи от сараев. Долго смотрел, сдвинув брови, на гостей, жующих колбасу. Качал головой, цокал языком, ругнулся себе под нос и хлопнул дверью. Мы тихо рассмеялись. «Завтра в Питер!» – сказал брат мне перед сном.

На даче мы уже месяц. Полмесяца как кончились колеса. Несколько раз ходили на шоссе стрельнуть бензина для мопеда. Дышали в лесу. Потом брат нашел в сарае банку жидкого стекла. Неприятная дрянь: горло дерет, царапает, галлюцинации жидковаты. Слюна как горсть битого стекла. А что делать, жить-то надо. Одним словом, сбежать хотели давно, но деньги я обнаружил недавно. На днях бы и сбежали, а тут и товарищи! К тому же у нас были ключи от квартиры, которые мы выкрали у мамы перед ее отъездом в Ижевск. Вот в прошлое лето, как раз после разрыва брата с Аней, мы сбежали из ссылки к старикам без денег и ключей. Жили в холле перед квартирой.

– Так вот, в прошлом году, – рассказывал брат Чину, пока мы шли по лесу, – денег ни хрена, хорошо, что капуста пошла!

– Какая капуста? – спросил Чин.

– Какая! Белокочанная! Дурак! Каждый день на поля ходили.

– Ха-ха! Зачем? – глупо захихикал Чинарик – скорее всего, вчера он все-таки утаил от нас циклодол.

Брат выругался и, зло скривившись, ушел вперед. Мы рассмеялись.

– А вообще, весело было. По шестьдесят килограмм за ночь выносили. Помнишь, Сид? – заулыбался Молль.

Я кивнул. Конечно, я помнил. Поля были рядом, в поселке Мурино, через железную дорогу. Полчаса от дома. С рюкзаками под покровом ночи мы прокрадывались к совхозной капусте. Набив рюкзаки, прячась от не дай бог ментовских фар, тащили ее к нашей квартире в небольшой, метров шесть, предбанник, как называла его мама. По бокам два принесенных с помойки дивана без ножек. Электрическая плитка, присоединенная к лампочке, на коробке. Сковорода оттуда же, с помойки. Капустой только и питались, сваленной горой посередине. Под парами клея меня преследовал один и тот же глюк, что не кочаны это, а гора черепов с известной картины. И воронье бесшумно вьется. С утра у продуктового магазина продавали. Портвейна, колес и «Момент» купим – и на диваны в предбанник.

– А во дворе магазина гаш продавали, – вспоминал дальше Молль. – Андрей как накурится, благотворительностью занимается! Ха-ха. Бабкам капусту бесплатно раздавал!

– Нормально. Бабкам тоже жрать надо, – самодовольно сказал брат.

Сначала подошла одна, попросила листочков. Брат, укуренный и добрый, кочешок ей дал. На следующий день она привела «к добрым мальчишкам» подруг со слезящимися глазами. Дали каждой по кочану. А потом они каждый день приходили стали! Брат, выпучив глаза, покрикивал на них, выбирающих уже получше, но давал. Бесплатно. Подключили к охране милицию. С полей гонять стали. Но потом менты тоже выгоду поняли. На выходе с полей в

кустах в засаде сидели. Пойманные неудачники сами в козелки ворованное сгружали. У подконтрольных ментам торговцев арбузами в ассортименте появилась капуста. Прорвавшихся через засады конкурентов от магазинов убирали силой закона – увозили в отделы под протоколы. Молль с дворовыми гопниками тоже сообразили, гады, что незачем самим ходить. Надыбали где-то камуфляж, замотали дверные пружины синей изоляцией и тоже подкарауливали незадачливых алконавтов. Мы отказались. Нажравшись портвейна, ребята действовали гораздо жестче. Поймав как-то парня с девкой, молодых, но подспитых, отняли у них все, вплоть до дурацких электронных часов. Парня избивали, а девку оттащили в кусты и по очереди трахнули. Впрочем, Молль говорил, что она была не против. Колхоз терпел убытки. К спасению урожая привлекли ОМОН. Капуста им была не нужна, они просто дубасили всех, кого встречали вокруг подконтрольных полей. Даже менты туда не совались. Мы с Моллем тоже чуть не попались.

– Уже рюкзаки набили, тут прямо по капусте трактор к нам на фоне восходящего солнца. Мы подумали, что колхозники, и залегли.

– А там, – перебил меня Молль, – по бокам на дверцах омовцы с дубинками висят! Орут что-то! Ха-ха!

– Мы по полю к кустам. Я рюкзак бросил, а Молль нет.

– Жидяра! – засмеялся брат.

– А трактор по кочанам к нам, уже из-под колес хруст лопнувшей капусты слышно.

– Ха-ха-ха! Мы меньше украли, чем они передавили!

– Я Моллю кричу: бросай, бежим!

– Ага, бросай ружье и всплывай! Ха-ха-ха!

– Ну и что, слиняли? – спросил Чин.

– Еле-еле, у них мотор заглох, а догонять им лень было!

– Ладно, привал! – скомандовал брат.

За разговорами мы дошли до кромки леса. Еще чуть-чуть, и мы выйдем из леса, там платформа в Питер! Выпили по полстакана, закусили краковской. Вперед! «Что за хрень?!» – сказали мы практически хором. Платформа и подходы к ней были заполнены людьми. Кто-то стоял внизу, другие с воплями и ругательствами пытались по уже занятым ступеням залезть наверх. Те, кто был наверху, на платформе, матерились и никого не пускали.

– В чем дело, бабуля? – спросил брат у сидящей чуть поодаль прямо на траве старушки в белом платке.

Рядом с ней стояла небольшая авоська. Бабушка ела помидор.

– Четыре электрички отменили, сынок. Ремонтируют.

– Чего ремонтируют, электрички? – усмехнулся брат.

– Нет сынок, пути. Пути ремонтируют.

– И что теперь? Когда поедут?

– Когда-когда? Когда починят! – Старушка беззвучно засмеялась, сотрясаясь всем телом. – А куда спешишь, сынок?

– В Питер, в Питер, бабуля! – Брат скривился, передразнивая бабу.

– Не спеши, сынок. Хочешь помидор? – улынулась она и протянула огурец.

– Пойдем к кассам! – Брат сплюнул.

В деревянной будке два на два толстая красная тетка несчастно сообщила нам, что час точно ничего не будет, а потом неизвестно.

– Ну, что делать будем? – спросил Молль, когда мы отошли в тенек.

На солнце становилось все хуже, денек выдался более чем жаркий. Пекло. Брат достал водку. Присели на рюкзаки. Потом приобрели в станционном сельпо теплого портвейна в четырех липких запыленных бутылках по ноль семь. Когда открыли, сморщились – как будто кто-то воздух испортил. «Ну и дрянь!» – скрипели мы, заливая в глотки мерзкое, приторное пойло.

Было тошно и трудно дышать, но ощущали мы себя хорошо. Так пролетел час, потом второй. И вот, взяв еще пару бутылок, мы направились к платформе. Масса народная увеличилась и загустела. Гвалт и волнение. Облако валидольных паров над толпой. «Разойдись!» – заорал, нет, зарычал брат, когда мы подошли, шатаясь и роняя портвейновые хлопья вонючей слюны. Бабушки ахнули, дедушки матюгнулись, но раздвинулись, по привычке выполняя приказ. Пока они не очнулись, мы втиснулись в узкую брешь. «Разойдись!» – хрипел брат. Мы смеялись. «Откуда вас столько?!» – шипел он на них, выпучив глаза. «Негодяи! Подонки!» – сыпалось на нас со всех сторон. Так, через ругань и стоны уставших людей, мы взобрались на платформу и даже продвинулись немного к середине. Бедные, обычно бойкие пенсионеры уже не могли нам сопротивляться. Как только никто не упал под поезд, непонятно. Когда он, неистово гудя, подошел к стонущей платформе, мы, стоящие на краю, касались своими красными рожами раскаленного, облупленного железа вагонов. Поезд взяли штурмом. Работая молодыми пьяными локтями, мы заняли чужие места. Мы пьем. Вокруг злятся и стыдят. Им плохо, и зла – сделать нам что-нибудь – им не хватает.

– Куда вы все едете?! Кому вы нужны?! Уничтожь половину, а то много слишком! – орет брат сквозь наш пьяный гогот.

– Тебя уничтожить надо, говно! – из последних сил огрызаются пожилые пассажиры.

– Был бы здесь мой сын, он бы тебе врезал, выродок! – с трудом выдыхая, говорит жирная тетка.

– А что, сынок бросил мамулю?! – смеялись мы.

Тут громко заверещали ближе к тамбуру. Кто-то лез оттуда в вагон.

– Ой! Ай! Куда лезете?! Осторожно!

– Спокойно, бабуля! Всем места хватит. Пропустите-ка нас во-о-он туда, – на нас показывает толстым пальцем тучный, весь в крупных каплях пота детина в майке и с волосатыми плечами.

За ним еще двое, пощуплее, но тоже побольше нас. Пассажиры, поняв, замолкают и расступаются.

– Слышь, долбоебы, сдристнули резко отсюда! – говорит тучный, подходя к нам.

– Места уступили бабушкам! Быстро! – цыкает второй, и видно, что зубов не хватает.

Третий, лысый и лопухий, молчит, но смотрит так, как будто хочет в нас свои глаза кинуть. Все трое пьяны, с лиловыми оплывшими рожами. Двое нетучных большими глотками допивают из бутылок пиво. Тучный дергает башкой влево-вправо. Должно хрустеть, но из-за жира не слышно.

– Че, оглохли?! – говорит он.

В вагоне тишина. Брат чуть откидывает голову назад и, глядя тучному в глаза, сквозь плотно сжатые зубы цедит:

– Пошел на хуй!

– Че сказал? – взвизгнул тучный и двинул тело к брату.

Брат успел встать. Тучный метил с размаху в лицо. Брат шатался, тот споткнулся и врезал локтем старушке по уху, та охнула, но стерпела. Брат ему в глаз кулаком ткнул, так что сам чуть не упал. Мы тоже вскочили, перегибаясь через бабушек, почти падая на них, стали вытирать потные кулаки друг об друга. Что тут началось! Женщины завыли, стали виснуть у нас на руках, мужчины, кто ближе, тоже потянули к нам бледные кулачки со вздувшимися венами. Все против нас! Мне в висок прилетел морщинистый нопасаран от сушеного дедка в зеленом берете набекрень. Слабо, по-стариковски. Руку брата, летящую в мокрую рыхлую цель, какой-то старик перехватил всем своим телом.

– Вы чего, офигели, клопье! – орал брат, пытаясь вырваться из цепких рук.

– Че сказал, сука, че сказал? – сипел тучный, наваливаясь на брата всей тушей.

Чинарик уже упал и исчез под грудой тел. Молль сидел на скамейке, закрыв голову руками, его обрабатывал лысый. Лопоухий лез через сумки ко мне. Судя по агрессии, мы приговоренные, это суд Линча! У лопоухого текла изо рта слюна. Я ему проигрывал в весе и величине кулаков. Я сунул руку в рюкзак и достал длинный кухонный нож, прихваченный на всякий случай с дачи.

– Стоять, пидор! – заорал я, выставив вперед нож.

Лопоухий тормознулся, закричала диким голосом тетка. Драка остановилась. Брат оттолкнул тучного.

– Ну че, жирный, давай, прыгай! – засмеялся он, приглашая тучного к драке.

– Убери! – тяжело дыша и уставившись в меня бычьими глазами, выхаркнул тучный.

– Ребятишки, не надо! – умоляюще прошептала одна старушка с красными-красными губами.

Почти нежно стала отпихивать она тучного, пропихиваясь между нами. Тот вяло сопротивлялся, но отступил.

– Убери нож, урод! – бурчал он уже из-за спины старухи.

– Ребята, уходите! Ребята, не надо! – шепчет толпа хором.

В голове шумит, громко стучит сердце. Я смотрю на брата: если он кивнет, я готов. Я ткну ножом куда попаду. Брат, улыбаясь, оглядывает с интересом толпу. Люди, которые несколько минут назад хотели разобрать нас на амулеты, разрешали нам уйти.

– Вот что нож животворящий делает, – крикнул брат и демонически загоготал, потом сплюнул. – Пойдем отсюда! Клопье!

Нам дали коридор и всем, как говорится, миром выдавили в тамбур. Нож я убрал только там. На следующей остановке «собака» застряла. Двадцать минут в тишине, гудящей зноем, тела пассажиров издавали больные, нервные звуки. Опять повеяло корвалольной патокой. Наконец кто-то догадался нажать кнопку вызова машиниста. На вопрос, когда тронемся, он честно сказал «не знаю» и на связь больше не выходил. Воздуха в вагоне уже не было, поезд работал печкой на солнечных батареях. Из вагонов выходить боялись – вдруг уедет. Нам же в тамбуре при открытых дверях было чуть посвежее.

– Сид, закрой им там дверь, пусть так сидят, воздух наш! Ха-ха-ха! – кричит мне весело брат и передает через головы бутылку портвейна.

Народ постанывает. Еще через двадцать минут захрипел динамик, и уставший, но довольный голос машиниста сообщил: «Поезд дальше не пойдет! Со второй платформы через тридцать минут пойдет другой состав». Немножко пошуршав эфиром, голос добавил: «Счастливого пути!»

– Ну че, доехали? – смеялись мы.

– Приехали, освобождай вагоны, копченое сало! – веселился брат.

В ларьке станции была только водка – горячая! Одну электричку мы пропустили – Молль вырубился, Чин блевал, квакая, как раздавленная лягушка. Жара. Следующий состав тоже был битком, но в тамбурах уже посвободнее. Сели. Поехали. Ну и выпили. Уставшим, вареным пассажирам не нравился наш юный соплячий мат. Опять нас мутузило мужичье и пачкали землей и потом грубые огородники. На одной остановке за двадцать минут стоянки нас выкидывали три раза. Остервенело, уже с разбитыми носами и губами, мы все равно прорывались обратно. Мужики устали и разошлись по вагонам. Они ничего не умеют доводить до конца. А мы, хоть и хлипкие снаружи, внутри сильные, главное – ничего не бояться и себя не жалеть! Так учил меня брат. Тамбур мы отвоевали! Грохнули за победу.

– Прикиньте, мы уже второй вагон уделали! – радовался брат, пытаюсь слизнуть запекшуюся на губах кровь.

– Если дальше так пойдет, мы к Питеру поезд захватим! – смеялся Молль, покачивая натертыми кулаками.

– Смерть клопью! – орал брат, размахивая стаканом.

Чинарик опять блевал. Потом у него началась ломка.

– Какого хрена у тебя ломка, ты ханку один раз пробовал! – раздражался брат.

– Сильная штука-а-а была-а-а-а! – мерзко корчась, рыдал на полу Чин.

Брат отошел в другой конец тамбура, а Молль, пьяный, поверил и пошел по вагонам кланчить у пенсов таблетки, мол, человеку плохо. Отзывчивые, не понаслышке знающие, что такое плохо, забывшие, что такое хорошо, пожилые люди доставали из полиэтиленовых пакетиков и носовых платочков кусочки початых таблеточных упаковок. Пройдя по двум вагонам, Молль насобирал целую горсть разноцветных и разномастных таблеток в упаковках и без. Вернувшись, он, как санитар на фронте, приподнял Чина с пола, придержал ему голову и запихнул в рот таблетки в упаковках и без. Чин, давясь, жевал это все, крошки и бумажки сыпались изо рта. Запил портвейном, скорчился от рвотного позыва, но сдержался.

На Молля напала жажда действий. Он достал неоципанную убитую курицу, всю в дерьме, со слипшимися перьями. Взял ее, несчастную, за свернутую шею и пошел.

– Ты куда? – удивился я.

– Денег мало. Пойду продам! – и, по-деловому скорчив рожу, вышел.

Собирая таблетки, Молль, видимо, нащупал в пассажирской массе брешь, куда и собирався впихнуть дохлятину.

– Задешево не отдавай! – крикнул ему вслед со смехом брат, потом, ехидно улыбаясь, обратился к Чину: – Ну что, помогло, переломался?

Тот вспомнил и завыл снова. Брат сплюнул. На какой-то остановке рядом с Чином на полу появилась спитая, без возраста баба с естественными дредами на голове, которые примагнитили большое количество мелкого мусора. Печеное яблоко лица было ярко намазано густой косметикой ядовитых цветов. Валяясь вместе с Чином в обнимку на грязном полу, вся облепленная окурками, она громко, пьяно хрипела, слюнявя ему ухо: «Потерпи, потерпи, мальчик мой! Все хорошо будет!» Она скрипела и гладила ему голову грязной корявой рукой. Наконец за самозабвенными стонами и пеленой портвейна Чин разглядел, что рядом с ним. Разглядел только косметику, а булькающий хрип казался нежной женской лаской. Так поют сирены с островов Зеленого Змия. И поползла грязенькая пятерня по сухому, как вяленая вобла, телу пьянчужки. Когда рука его полезла в черную мятую юбку, нас затошнило. Брат уж хотел было двинуть ногой, но тут возмутилась дама.

– Ты че, блять, делаешь! Гаденыш, блять! Я тебе в матери гожусь, блять! – заорала диким басом возмущенная синьора и влепила Чину пощечину.

Пьянчужка попыталась встать, но не хватило устойчивости, и она упала на Чина. Тот обвинил ее всеми конечностями и, улыбаясь нежно, проикал: «Прости, мамочка!», тут же снова попытавшись залезть ручонкой в трусы. Синьора завопила гадким голосом с трелями мокроты и замахала острыми локтями. Пытаясь вцепиться в Чина, она лишь сдирала об стены старые корки с локтей. Чин крепко вцепился, фыркая смехом.

– Чин, бля! Говно! – не выдержал брат.

Он схватил пьянчужку за шкуру, выдернул ее из объятий Чина и, открыв дверь в вагон, вышвырнул ее из тамбура.

– Чин, скот, еще раз такое увижу, пойдешь на хер! – сказал брат, брезгливо вытирая ладонь об штаны.

Чин, закрыв один глаз, заливался скрипучим смехом.

– Это же моя мамочка была! – еле выдавил он из себя.

Допили портвейн. Пришел Молль. Курицу продал, но заработал синяк под глазом. Подремали. В Питер приехали, когда от жары осталась только отрыжка, как у нас от портвейна. Высох грязным налетом пот, делая все вокруг липким. Мы вышли на перрон. Набухшее солнце

отворачивалось от нас куда-то в сторону, за вокзал. Вокруг ворчал уставший народ. Нас объезжали сумки на колесах. Пассажиры поезда спешили в метро. Мы не торопились. Мы приехали.

– Чувствуете, чем пахнет? – спросил брат.

Мы принюхались.

– Чем-чем! Говном! – сказал Молль.

Мы рассмеялись.

– Мудаки! – проворчал брат, улыбаясь.

III

Гражданка, дом родной. Гремел трамвай, за высотками садилось солнце. Горячий асфальт и ларьки. Купили литр модного напитка «Рояль». Спиртыга голландская. Есть получше, подороже, а есть похуже, более техническая. Мы брали ту, что потехничней, в зеленых бутылках. И вот она, свободная трехкомнатная квартира. Мама навела идеальный порядок – любит в чистоту приезжать. Закуску мы уже съели или растеряли в походе на Питер, поэтому брат и Чин отправились на овощной рынок, он как раз уже закрылся. Мы же с Моллем произвели ревизию кухонных шкафов. Обнаружили горсть сухофруктов и пакет белых сухарей, что уже неплохо. Брат с Чином притащили ящик немного помятой черешни, пару надкусанных огурцов да пару трупов помидоров. Разбавили спирт в банке.

– Ну, брат, за свободу! – поднял брат стакан.

После тостов не поднимали. Пили. Молль ходил к метро зачем-то. Там подрался у ларьков.

– На кого наехали, суки?! – возмутился брат и, надевая рубашку, выскочил к лифту.

– Ты куда в носках? – окликнул я его.

Он подумал, вернулся и снял носки.

– А давай тоже босиком! – предложил Молль.

Мы согласились. Так босиком и пошли, прихватив каждый по кухонному ножу.

– Ну где эти уроды?! – орала мы, шатаясь вокруг метро.

– Смотри, Молль, не эти? – кричал брат, показывая ножом на какую-нибудь компанию.

Мы, поудобнее перехватив рукоятки ножей, шатаясь, бежали в надежде, что эти. Но Молль отрицательно качал головой, а люди из компании облегченно выдыхали, радуясь, что они не те. Неожиданно из-за дальних ларьков вырвался ментовский козелок. Чуть ли не на ходу из него повыпрыгивали сотрудники явно в нашу сторону. Мы врассыпную. Я забежал за ларьки, протиснулся между двумя, перелез через коробки с мусором и затаился. Мимо кто-то пробежал. Слышал крики, хлопали дверцы козелка. Потом все стихло. «Увезли, суки!» – рычал я еще полчаса в ларьках, до белизны пальцев сжимая двумя руками нож, готовый живым не сдаваться. Тихо плевался матом и соплями, обещал себе за пацанов отомстить. Не дождавшись облавы, пошел, спрятав нож, домой. У парадняка встретил брата и остальных.

– Братишка! Хорошо, что тебя не забрали! – Брат, улыбаясь, обнял меня, я его. – Ключи-то у тебя!

– Уродов-то не нашли! – сказал зло Молль.

– Менты, суки, помешали! – скривился брат.

– Чуть не замели! – добавил я.

– А я ногу поранил! – всхлипнул Чин, из его ступни текла кровь.

В коридоре перед квартирой было темно. Бросались в глаза силуэты стоящих на окнах горшков с цветами. Три широких окна – и все заняты цветами! Это мама выставила, чтобы соседи поливали. В темноте не видно было, кто первый горшок в окно кинул. Нас всех обуяла злость. Разбили мы все стекла. Оставшиеся горшки разбили об стены. Немного успокоившись, выпили спирта. Брат с Моллем рубанулись, а мы с Чинариком пошли в ночь погулять. Обошли двор, ища одинокого подпитого прохожего. Но, на их счастье, они уже все расплозились по норам. Ничего не оставалось делать, как залезть в ларек «Союзпечать». Звон стекла оглушительно, но ненадолго прервал спокойное дыхание улицы. Мы выждали, когда тревожное эхо растворится между домами, и через оскал витрины залезли в темное нутро киоска. Только начав шмонать ларек, притаились от гулких шагов. У ларька шаги затихли. Ёкнуло в кадыке. «Ребята! Ребята! Не ссыте, я свой! Берите что надо, я на шухере постою!» – услышали мы хрип-

лый мужской голос. Прихватив на всякий случай для «своего» железный совок, мы вылезли из киоска. На углу у ларька в тени нас поджидал небольшой мужичок в длинном плаще и кепке.

– Ну как улов? Стоящее что-нибудь нашли? – хрипел он шепотом.

– Нет, не нашли! А тебе хули надо?!

– Да ладно, ладно, ребята, не бакланьте! Зайдем во двор, дело есть.

Рожа его при свете фонаря оказалась до того мерзкая, что смотреть было противно.

– Хули вы фуфлом занимаетесь! – Он даже сплюнул сквозь коричневые зубы. – Схавают вас за брелочки-ручечки! За совки вон.

Он ткнул пальцем в наш совок и закашлял, по перекошенным толстым губам мы поняли, что он смеется.

– У меня объект есть, хата, – отхаркнувшись, продолжил он.

Мы переглянулись.

– Да не ссыте, все чисто, я вам все покажу, чего да как. Я на шухере. Мне туда нельзя, я паленый. А вам нормалек, все чисто! – ну и намекнул так, с юмором, что, если не пойдём с ним, сдаст ментам.

Поначалу Чин делал мне знаки мужичка этого рихтануть. Но по ходу разговора, или, как говорил этот дядя, базара, физиономия Чинарика становилась отупело растерянной. Особенно продемонстрированные дядей синюшные купола на спине заворожили залетавшего на малолетку Чина.

– Да вы не ссыте! У меня еще пара хат на вынос есть. Выставить можно без проблем! Жить будете заебок, отвечаю. – Мужичок уже, похоже, считал себя нашим бугром – вором-наставником.

– Слушай, жрать охота, да и трезвыми как-то стремно, а так согласны! – сказал я, а Чинарик так закивал, что я понял, что этот болван действительно согласен.

«Ладно, – подумал я, – выпьем, пожрем, а там видно будет». Мужичок обрадовался, купил нам пиво в ларьке. Пожрать ничего не продавалось, поэтому пошли к его дому, жил он недалеко. «Щас я вынесу!» – сказал он и скрылся в провале подъезда. Где-то вдалеке вскрикнула сирена. Двор был пуст. Растревоженный эхом наших шагов, он недовольно ощерился на нас фонарями. Чтобы не светиться, залезли под старый грузовик, вросший мертвыми шинами в газон.

– Ну, что думаешь? – спросил я Чина под грузовиком.

– А чего, щас пожрем, а потом хату вскрыем, – сказал он довольно и отхлебнул пива.

Я посмотрел на него внимательно. Он не шутил. Весь его облик сейчас говорил о том, что перед нами Член Воровской Банды!

– Ну ладно, промокашка, счастливой охоты! – сказал я и полез из-под грузовика.

– Ты куда? – удивился Чин и схватил меня за рукав.

– Да пошел ты, черная кошка! – Я вырвался и пошел вон со двора.

Чинарик догнал на углу. Повякал расстроено, уж больно хотелось ему жить «заебок». Вернулись к киоску «Союзпечать». Трамвайная печка, коробка железных значков с котом Леопольдом, упаковка шариковых ручек и зачем-то несколько толстых стопок газеты «Двое» – эротического издания с плохими черно-белыми фотками голых баб. Все это мы вытащили из ларька и завернули в огромную занавеску, завязав узлом. У парадняка встретили ползущего куда-то с плоскогубцами и молотком Молля. «Ты куда? – спросили, он что-то промычал в ответ. – Инструмент не потеряй!» Дома разбудили брата, чтобы похвастаться трофеями. Нашлась ополовиненная литровая бутылка «Рояля». Пили, не дожидаясь, пока разбавленное остынет от реакции. Без закуски пили. Потом Чин истерил. Светало. Дрались, помню. Потом ничего не помню. Все.

Долгий звонок в дверь. Разлепил глаза. С трудом приподнял голову, отчего сразу чуть не стошнило. Огляделся: лежу на полу в одних трусах. Вокруг окурки и осколки. На кресле,

свернувшись калачиком, с засохшими хлопьями рвотных слюней на лице сопит Чин. На кровати, недовольно морщась, приподнялся брат.

– Сид, сходи посмотри, что там, – распорядился он.

Еле поднявшись и осознав всем телом враждебность окружающего мира, я упал от потемнения в глазах на кровать. Раздался снова визг звонка, ломая голову и выбивая сердце вон.

– Сид, бля, давай быстрее! – корежило на кровати брата.

Я вышел из комнаты и сразу споткнулся о стоящую посередине коридора трамвайную печку. Черт, разбил в кровь большой палец. Весь пол был устлан, казалось, целым тиражом газеты «Двое» с торчащими фотосиськами. Шатаюсь, ища поддержку в стенах, доковылял до двери, прижался ухом. Еще один звонок, упавший сверху двери, оглушил до слепоты. Сердце испуганно запрыгало, как загнанная в угол мышь. Дрожа, присел на корточки. Гул от звонка уступил место звукам человеческих голосов, я прислушался. Что говорят, понять не смог, но голоса узнал! Зююкина, соседка, бывшая жена кагэбэшника. Она так умудрилась меня достать, что я гонялся как-то за ней по коридору с огромным заточенным штангенциркулем. Разбил глазок в ее двери, за которую она ловко шмыгнула. А хотел в лоб заехать. За это был скручен соседями, связан проводами и долго бит ментами в отделе. А что это за тихий скрип? А, это соседка напротив, несчастная добрая старушка, глава большой недружной семьи. Что-то наперебой тараторят. Отвечал им какой-то незнакомый мужской голос. На цыпочках вернулся в комнату.

– Ну че? – спросил брат, сцеживая из всех пустых неразбитых емкостей капли в стакан – на глоток.

– Бляди соседские чего-то кипишуют, – ответил, облизнувшись, я, наблюдая, как брат выжимает в глотку стакан.

– Может, случилось чего?

Я пожал плечами, прикрыл дверь в комнату. Чтобы не слышать звонков, включил телевизор «Рекорд». Пол-экрана показывало какой-то эстрадный концерт. Я сел на кровать и огляделся. Пили мы ночью, похоже, яростно. На обоях забуревшие смачные мазки крови, перемешанные с пятнами зеленки. Ею же заляпан журнальный столик, чудом стоящий на трех ножках. Четвертая, выдранная с мясом, лежит рядом. Осколки бутылок вонзились в бахрому ломаной древесины, оголившейся из полировки. Вспышками в голове куски воспоминаний о происхождении крови на стенах. Чуть не стошнило. Ночью Чинарик бритвой вырезал у себя от локтя до кисти «xploited». Потом мы его лечили, залив всего зеленкой. Вон, даже морда в пятнах. Потом он своими порезами писал на обоях «Чин» на полстены. Рядом с изрезанным Чином валяется двадцатикубовая стеклянная машина (шприц). Точно! У него же вчера ломка опять по пьяни началась! И мы откачали у него из вены немного «грязной крови». Это брат лечение придумал. Теперь этой «грязной кровью», как капельками росы, покрыта вся комната. Сейчас меня точно вырвет!

Вдруг из коридора послышался сухой треск. Мы переглянулись. Брат кивнул на дверь, я встал, шагнул к ней. Открыл. Секундная картинка: три мента, который впереди, огромен, и в руке топор. Потом лечу обратно в комнату, в глазах яркая вспышка. Затылком хрястнулся, доламывая стол.

– Стоять, лежать, блять!

Пошла работа. Заскочили в комнату. Сразу стало тесно. Один утрамбовал Чина. Второй вскочил на кровать и брату берцем, пяткой в лицо. А тот, что с топором, свободной рукой меня за волосы и в другую комнату утащил, где, кинув мордой об стену, крепко обработал мои почки. А мог бы и голову отрубить!

– Кто навел?! Говори, сука, убью! – орал он, заламывая мне руку.

И вот я на полу.

– Руки за голову!

И для лучшего понимания опять ногой по почкам. Страшное это дело – быть профессионально битым, будучи в одних трусах и с похмелья. Меня всего трясло. Вспомнил с ужасом «Союзпечать». Как они нас вычислили? «Вот черт, неужто тот мужик?» – вспомнил я нашего неудавшегося главара. Но как?

– Как дверь открыли, пидор? – спросил милиционер, наступив мне ногой на затылок.

– Куда дверь? – прошамкал я вдавленными в пол разбитыми губами, сразу приняв решение идти на всякий случай в отказ.

Удар в живот пронзил электроразрядом все тело. Я первый раз заорал.

– Лежать, встанешь – убью! – и вышел в коридор.

Из соседней комнаты доносились глухие звуки ударов, хрипение брата и почти детские всхлипы Чина.

– Ну, че у вас? – спросил мой мент.

– Дурака включили, суки! – тяжело дыша, ответил другой.

Брат захрипел сильней, кажется, его душили.

– Ладно, хватит пока, – распорядился мой мент и пригласил в квартиру соседок.

Заохала от увиденного старушка из квартиры напротив.

– Встать! – приказал мне мент и для ускорения помог мне рукой за волосы.

– Ой, Сережа! – всплеснула руками старушка.

Зююкина победно вспыхнула глазами: вот, мол, попались скоты!

– Здрасьте, – поздоровался я, сплевывая сгустки крови.

– Ой, Андрюша! – схватилась старушка за сердце, увидев разбитую физиономию брата. –

Ох, ребятки, значит, это вы все стекла побили! Ай-я-яй!

Менты недовольно переглянулись и повнимательнее к нам присмотрелись.

– Блять! – выругался мой мент.

Кажется, они нас узнали только сейчас. Я тоже их узнал, черт бы их побрал! Я ничего не понимал. Значит, не из-за ларька?

– Что же вы наделали, Андрюша! Мы же подумали, что воры залезли! – все качала и качала головой старушка.

Оказалось, что ночью, услышав звон и грохот, соседи коллективно прильнули к глазкам. Лампы дневного освещения, когда-то освещавшие общий коридор, давным-давно были сняты и проданы нами на синем (блошином) рынке. Поэтому все, что смогли различить в темноте бдительные глаза соседей, это копошащиеся у нашей двери фигуры. Милиция была моментально оповещена о проникновении неизвестных в квартиру отсутствующей учительницы. Причем с нескольких телефонов сразу. О нас соседи и не вспомнили, успокоенные нашей матерью, что у них есть целых три спокойных месяца нашего отсутствия. Милиционеры сразу приехать не смогли, так как, наверное, были заняты более важными делами. Приехали, как только освободились, ранним утром. И вот теперь дело о проникновении преступников в жилое помещение, раскрытое по горячим следам, вырвалось и улетело ввысь ментовской птицей счастья. Брата с Чином все-таки забрали для «профилактической беседы». Меня же оставили убирать в коридоре черепки горшков и битое стекло. Зююкина торопливо удалилась к себе с ехидной, торжествующей ухмылкой. По ее радостно трясущимся рукам я понял, что сейчас будет совершен победоносный звонок нашей матери в Ижевск. Старушка же долго еще причитала над моей истерзанной ментами и похмельем душой, пока я сметал хрусталь стекла и умирающие герани с кусками высохшей земли. Как бы ни было мне плохо, я всегда прибирался дома. Люблю порядок. С замиранием сердца, запоздало пугаясь, подивился, что тупые менты не заинтересовались, откуда столько одинаковых газет, значков и ручек, валяющихся на полу в коридоре. Починил как смог отжатым ментами замок. И тут звонок в общую дверь. На пороге Молль, в руках бутылка водки, в кармане кусок колбасы.

– А где Свин с Чином? – поинтересовался он, заглядывая своим длинным носом в пространство комнат. Свином он, как и многие в нашей панковской тусовке, называл моего брата.

Я рассказал. Молль долго заливался смехом, похожим на криканье утки. Довольные отсутствием лишних ртов, мы раскатали полпузыря. Полегчало. Даже стало хорошо.

– Ты сам-то куда делся? – с удовольствием поедая колбасу, поинтересовался я.

– Да чего-то ночью домой захотелось, – улыбался Молль, довольный, что вовремя свалил.

– А где, кстати, плоскогубцы с молотком? – вспомнил я.

Он не помнил. Я рассказал, как мы встретили его у парадняка. Молль, потирая лоб, ушел в себя, припоминая. Я развалился на диване, чувствуя, как алкоголь лечебной влагой орошает уже почти умершие, высохшие клеточки моего тела, попадает в самые отдаленные уголки организма, успокаивает и выгоняет боль. Пол-экрана «Рекорда» показывало чьи-то новости, а я слушал и не понимал ничего, ни слова, так хорошо было.

– Вспомнил! – заорал Молль неожиданно.

Я вздрогнул.

– Сид, черт подери, я вчера у вас на крыше спутниковую антенну свинтил! – гордо и радостно сообщил он.

– Молодец. Ну и что? – лениво поинтересовался я, меня клонило в сон, я был пьян.

– Я знаю, кому продать! – и, потирая руки, он побежал к телефону.

Вылезли на крышу. Сняв антенну на одном конце крыши, Молль оттащил ее на другой. Увидев ее, я обалдел: это была тарелка не меньше трех метров диаметром.

– Ну и как мы ее отсюда стащим? – ехидно поинтересовался я.

Молль задумался, почесывая нос.

– Может, сбросим вниз, а потом подберем? – на полном серьезе предложил он.

Я рассмеялся, представив, как с высоты четырнадцати этажей вниз спланирует эта тарелка. Если даже никого не убьет, то шухеру будет достаточно. Молль нахмурился. В конце концов мы ее согнули пополам и завернули в штору из киоска «Союзпечать». В таком виде тарелка напоминала мне лодку-байдарку. С трудом втиснулись в грузовой лифт. На противоположном конце дома у парадняка стоял козелок. Я задрал голову: наверху, на том конце крыши копошились человеческие фигуры. Закинув антенну на плечи, я почувствовал себя спортсменом-байдарочником. Пошатываясь, мы направились к Косте Толстяку, которому и предполагалось сбавить антенну. Костя жил на первом этаже хрущевки, деля комнату со старой рыжей лайкой по кличке Индус. Полкомнаты у него было завалено всяким электрическим и механическим хламом в полуразобранном виде. Он был из тех парней, которые все время что-то свинчивают и развинчивают, пытаясь скрестить уют с пылесосом. Толстяк тоже прибалдел от размеров нашего товара и сразу начал ныть, что согнутая она ему вовсе не нужна и что только из уважения к нам может дать нам за «эту бесполезную железку» пол-литра водки. Нас это не устраивало. Развернули для демонстрации товар, для чего пришлось переместиться в подвал – в комнате тарелка не помещалась. Толстяк все цокал языком и причитал, щупая толстыми пальцами место сгиба. Но потом он увидел надпись, на которую я не обратил внимания, и залиvisto засмеялся. На тарелке было написано «кабельное телевидение».

– Пойдем ко мне! – позвал нас Толстяк, не переставая смеяться. – Смотрите!

Он включил телевизор. Заиграла ненавязчивая мелодия, а на экране на голубом фоне было написано: «Сегодня ночью с крыши дома 87 по проспекту Просвещения была похищена антенна кабельного телевидения Калининского района! Если кто-то что-либо видел, просьба сообщить по телефону. Вознаграждение гарантировано! Приносим свои извинения за временные неудобства!»

– Ну вы и отморозки! – тряслись от смеха Костины толстые щеки.

«Кажется, очень удачно мы проскочили», – подумал я, вспомнив фигуры на крыше.

– Два литра спирта давай! – вернул разговор в деловое русло Молль.

– Ты знаешь, сколько времени займет отрихтовать ее? – перестал смеяться Толстяк.

– Отрихтуешь! – не сомневался Молль.

– Литр! – отрезал Толстяк.

– И «Момент»! – ткнул пальцем Молль в чуть початый тюбик клея, лежащий на столе.

Толстяк скорчил рожу типа «ну что с вами делать», нехотя отсчитал деньги, вручил «Момент», и мы удалились. Взяв в ларьке пакеты и спирт, добежали до дома. Выпили. Разлили клей по пакетам. Проигрыватель «Юность», пластинка «Транснадежность». «Цветы-ы-ы на огороде», – зашаманил из дребезжащего динамика Петр Мамонов. И запрыгали вокруг меня карлики в красных колпаках по маковому полю, открывая тайные люки землянок моего подсознания. После того как начинаешь отходить от глюков и понимаешь, что химические пары все перекачаны натренированными легкими из подсохшей резинообразной массы в мозг, после безуспешных попыток вытащить из пакета еще чуть-чуть кайфа, наступает тоскливая опустошенность от чего-то ускользнувшего, не до конца понятого. Как будто смотрел захватывающий сон, и вот уже близко самое главное... И тут тебя грубо треплют за плечо! Вот и сидишь пустой, не желая понимать окружающую реальность. А потом начинаешь с надеждой искать, не осталось ли у кого-нибудь волшебного вещества, и если есть, то выпрашиваешь, воруешь или просто нагло отнимаешь. Сколько раз мы дрались из-за этого! Кончилось! Только мы успели пропустить по полстаканчика, в дверь позвонили. Чинарик и брат! Помурьжив, легонько побив, менты их отпустили, пообещав в следующий раз покалечить. Пожурив за приконченный клей, брат угостил нас таблетками, которые они с Чином возле метро выпросили в долг у знакомого барыги. Выпили спирту. Потянуло гулять. Шатаясь и гогоча, вывалились на улицу. Жара стояла в помощь нашему состоянию. Шлялись из угла в угол микрорайона. Иногда к кому-то заходили, что-нибудь выклянчивая. С кем-то дрались, отнимая деньги. Потом разделались, поделив остатки теплого спирта. Брат с Чином прорвались в метро, куда-то в центр. А я потащил пьяного в хлам Молля домой. Кинул его на кровать, выпил чуть-чуть и задремал под очень громкого НОМа – «У меня в черепной коробке тараканы, жуки и пробки. Как-то пробки выпали вниз, по одежде жуки разбрелись!» Разбудил звонок. Звонил телефон. Спотыкаясь, добрал до аппарата.

– Але!

– Здравствуйте. Это Сергей Гребнев? – спросил мужской голос.

– Да.

– Это из медвытрезвителя вас беспокоят. Тут ваш брат находится с другом. Он сказал, что вы можете заплатить штраф за них и забрать их отсюда. Поторопитесь, а то у них тут проблемы сейчас начнутся – больно буйные!

– А где вы находитесь? – Я тут же подтянулся, осознав, что должен выручить брата.

Записывая адрес, совершенно не понимал, где это. Но это было неважно, я был убежден в легкости операции по спасению брата.

– Поторопитесь! – прозвучало на прощание как угроза.

Надо было спешить. Выпил.

– Молль, вставай! Свиною с Чином срочно спасать надо! – орал я ему в ухо.

Бесполезно. Крутил нос. Он лишь только мычал. Единственное, чего я добился, это один полуоткрытый глаз.

– Саша, спирт будешь? – предложил я ласково.

Это подействовало. Глаз открылся полностью, выкатившийся из черепа зрачок грозно уставился на меня.

– Бу-у-у-у! – он попытался сесть.

Я налил. Он выпил, как воду, и открыл второй глаз.

– Молль, надо Свиною из вытрезвителя забрать! – объяснил я причину пробуждения.

– Помоги! – попросил Молль, и я помог ему встать.

На ногах он держался плохо, поэтому мне пришлось взвалить его на себя. На улице было темно. Людей не наблюдалось. На подходах к метро, на углу нашего дома, из темноты выплыли две фигуры.

– Стоять!

Чувствуя наживу, лежащую в карманах шатающихся тел, только и ждущую, чтобы ее оттуда извлекли, к нам приблизились уверенной походкой два мента. Чтоб меня! Один из них был утренний. Он тоже узнал меня, рожу его перекорежило от отвращения.

– Опять ты, сученыш! Куда собрался? – схватил он меня крепко за плечо.

– Понимаете, у меня брат в отрезвитель попал. Надо срочно забрать, мне звонили! – стал объяснять я.

Язык предательски заплетался. Мент несильно ударил меня по голове.

– Ты че, ебанутый! Вас самих туда надо! – Он поперхнулся, он не мог говорить, был слишком взбешен.

– Не, мы нормально, тихонько, на метро.

– Какое метро! Два часа ночи! Иди домой! И это говно с собой тащи! – орал он.

– А может, забрать их? – строго сказал второй мент, приподняв голову Молля за волосы.

– Да ну их на хуй! – брезгливо поморщился первый. – Они уже были у нас с утра.

Тут Молль открыл глаза, оттолкнулся от меня и принял почти вертикальное положение, потрянул гривой грязных волос и, зарывав, ткнул мента в грудь.

– Ах ты, сука! – удивился второй мент и ударил Молля в лицо.

Одновременно первый зарядил Моллю ногой в живот. Молль хрустнул чем-то, охнул и рухнул.

– Заебали! – сказал второй и двинул мне кулаком в ухо.

– Все, все! Уходим! – взмолился я, пытаюсь поднять товарища.

– Быстро, урод! Щас заберем! – и ускорил меня казенным сапогом пониже спины.

Я с трудом опять взвалил на себя хрипящее тело и, насколько это было возможно, потропился.

– Бегом! – командовали они хором.

Пройдя несколько метров, я затащил Молля в тень и прислонил его к дереву.

– Саша, что же делать, надо спасать пацанов! – Я был в панике.

Удары правоохранителей пошли Моллю на пользу.

– Пойдем тачку поймаем, – заговорил он, правда, не открывая глаз.

– Какую тачку, у нас денег нет! – сокрушался я.

– Тогда давай угоним! – уверенно предложил он.

Идея мне понравилась сразу. Я представил, как это по-товарищески, даже героически! Для спасения брата, рискуя, угнать машину! К тому же я знал, что Молль в этом деле мастер. Машины он угонял часто просто покатайся. Угонял, естественно, наши советские ведра, так как проще. Любимая марка у него была «инвалидка» – двухместная железная коробка с полностью ручным управлением, предназначенная бедным безногим калекам. Угловатая и слишком громкая, но маневренная. Как-то угнав такую, прикрепив ручками за уши к своей роже пакет с «Моментом», Молль катался ночью по дворам. В одном из дворов лоб в лоб чуть не столкнулся с козелком. Менты выскочили разъяренные. Молль по газам. Они за ним. «Инвалидка» прорвалась между домов, впритирочку между столбиков. Козелку пришлось ехать в объезд. Молль тачку бросил и в кусты. Долго еще сидел там, глюки на ментах ловил, наблюдая, как они клянутся матом небесам найти и казнить его, ублюдка, бегая вокруг испуганной «инвалидки».

– Какую ты можешь угнать? – спросил я, оглядывая припаркованные во дворе машины.

Молль с трудом поднял голову, открыл один глаз, огляделся вокруг и безальтернативно ткнул пальцем в белый старенький жигуленок. Автомобиль стоял напротив опорного пункта милиции. Хотя окна были там черны и безжизненны, все равно было как-то стремно.

– А другую никак? – с надеждой поинтересовался я.

Не поднимая головы, он помотал ею отрицательно. «Ну конечно, маэстро хренов!» – поворчал я мысленно и потащил тело поближе к жертве, посадил рядом с кустами черемухи.

– Как открыть? – Я был профан в этом деле.

– Разбей лобовое! – выдал простое, как его сознание, решение Молль.

– Сам, бля, бей! – возмутился я, уже порядком уставший от хотя и веселого, но слишком громкого звона разбивающегося стекла.

– Не могу! – и в подтверждение завалился набок, с глухим шлепком закопав пьяную рожу в чахлой траве газона.

Черт! Пришлось проявлять смекалку. Походил вокруг, нашел газету. Вместо воды использовал собственную мочу. Молодые почки работали по приказу. Прилепил газету на боковое стекло со стороны водителя. Перед тем как разбить, растолкал носатого.

– Если открою, заведешь?

– Заеду! – заколыхались у морды травинки.

«За еду заведет», – посмеялся я мысленно. Вдруг услышал чьи-то шаги. Шел прохожий. Я упал в кусты рядом с колымагой. Подождал, пока прохожий стал неслышным, и треснул тихо кирпичом. Кусочки стекла осыпались, шурша уже ненужной материей. Запихнул с трудом угонщика Молля на водительское. Сам сел рядом.

– Заводи! – толкнул растаявшего студнем на теплой обивке Молля.

– Выдерни под щитком провода, – командовал он, не открывая глаз.

То ли я начал трезветь, то ли просто надоело, решил не спорить. Нашупал провода, со всей дури дернул пучок и расхохотался: разноцветные провода оторвались с двух сторон.

– Теперь соедини красный... – поучал меня мастер, приоткрыв глаз.

– На, сам соединяй, болван! – швырнул я ему в рожу провода.

В этот момент поравнялся с машиной какой-то мужик. Я вздрогнул, но, быстро сообразив, развалился на сиденье по-свойски. Мужик прошел мимо. Чуть вдалеке шли еще прохожие. Светало. «Неужели клопье уже на работу поползло? Пора домой!» – подумал я. Разломав для удовлетворения панель управления, толкнул Молля.

– Вылезай, ночной ездук, приехали!

– Не могу, помощи! – привычно заныл носатый.

– Ха! Пошел ты, угонщик! Пусть тебя менты тепленького у своих дверей примут! – расмеялся я и вылез из автомобиля.

Мельком увидел в окне первого этажа бледную физиономию престарелой тетки с выпученными глазами. Встретились взглядом, она вздрогнула и исчезла во мраке помещения. Черт! Видела? Догадалась? Свидетель! Поторопил Молля, благо в своем дворе, недалеко идти. Видела, не видела? Усталость вызвала паранойю. Придя домой и закрыв дверь, я начал строить баррикаду в полной уверенности, что стукачка с первого, прикрывая трясушейся рукой трубку, уже шепчет в ментовское бдительное ухо донос на двух негодяев. Молль, ничего не спрашивая, присоединился к строительству баррикады. Менты могли появиться в любой момент! Стол с кухни, кресла, сломанный журнальный столик. Баррикада получилась славная! Теперь нас врасплох не застанешь! Защищенные, мы легли спать. Я, правда, на всякий случай не разделся. Многие говорят: живи каждый день как последний. Поверьте, с похмелья это не так уж сложно! С похмелья уже вчерашний, кажется, был последним.

Опять утро. Опять рваные воспоминания о вчерашнем. Смутные, как бы со стороны. Утро – самое поганое время суток! Иногда минут на пять становится стыдно. Иногда сердце ухает, широко раскрывая рты клапанов, задыхается от воспоминаний, как вчера пьяный мозг транжирил здоровье. Дребезжит гвоздями страха в цинковом ведре сознание. Бывает, руки затрясутся, испуганно не понимая, как до сих пор запястья не в железе. И, если нет алкоголя, чтобы поправиться, продолжаться все это может очень долго.

Рядом утробно храпел Молль. Даже ботинки не снял, гад! Выпить не было! Три найденных таблетки «цикла» – слону дробина. От слитых в стакан маминых духов только изжога и пустое жжение в полости рта. Пошел в душ. Одежда мерзко воняла. Разделся. Все тело в синяках и ссадинах. Длинные грязные ногти. Сбитые костяшки кулаков. Взглянул в зеркало. Заплывшие глаза с красными белками. Под правым кровоподтек. Содрана кожа на подбородке. Распухшее синее ухо. Помойка, поставленная пару дней назад мылом, свалялась в войлок. На груди и плечах царапины, расчесанные грязными ногтями, кое-где опухли и загноились. Вспомнил зачем-то бабушку с дедушкой, а потом еще и маму. Стало совсем тошно. От созерцания мерзкой, не моей рожи стошнило в раковину. Хоть какая-то помощь самому себе. Грустно усмехнулся.

– Ты кто такой?! – крикнул я в зеркало и плюнул рвотной слюной отражению в глаз.

Пять ведер холодной воды лишь ненадолго обманули клетки внешней оболочки, да кожа чуть повеселела, похудела от смытой грязи. Обошел квартиру, надеясь найти что-нибудь, что можно втюхать хачикам за бухло. Мебель ломаная, на немногочисленную старую бытовую технику табу. Шмотки мамы-учительницы? О господи, кому они нужны?! Хрусталь уже давно ушел в серванты горцев. Ну ничего нет! Увиденная в коридоре баррикада совсем отбила желание выходить из квартиры. Если б не было так тошно, то было бы смешно. Сходил в туалет. Онанизм помог лишь на несколько минут, а срать было нечем. Раздражал храп пьяного, не нужного здесь животного с хлопьями засохшей пены в уголках зловонного рта. Выглянул в окно. Солнце жарко обнимало спальный район. Дрожал и плавился асфальт. Оглядел двор. Возле белого жигуленка стоял козелок. Устало стоящий рядом мент что-то записывал в тетрадь. Вокруг жигуленка, нервно перебирая ногами и хватаясь за голову, бегал щуплый мужичок. Тупо наблюдая это действие, внезапно вспомнил все! Бля! Инстинктивно убрал из окна голову. Ну все! И менты там вчера были, и тетка в окне на первом! Все, конец! Завизжала противно страхосовесть. Ну где же выпить-то?! Ну все, на этот раз точно уголовка! Я метался по квартире. Ух, как выпить-то охота! Ну где, ну где же, где же?! Долго ходил туда-сюда по этой «территории свободы», по этой, блять, трехкомнатной квартире. Выглядывал осторожно в окно. Козелок уехал. Мужичок приклеивал к разбитому стеклу кусок пленки. И тут взорвал тишину звонок! Чуть не выпрыгнуло сердце, потемнело в глазах. Пока я дрожал нутром, напуганным звонком, в дверь уже громко застучали. Трясаясь всем телом и перебирая пальчиками, я подкрался к двери и прислушался. Волна неприятного откатила, я жадно хватал ртом воздух, потекли слезы, я рассмеялся – за дверью был брат!

– Открывай! Трахаетесь там, что ли?! – орал он, сопровождаемый хихиканьем Чинарика.

Баррикада уползла от двери практически сама. Стало легко. Вот он, рядом! Я взалхлеб рассказал, обвинительно тыкая пальцами в проснувшегося Молля, о вчерашних приключениях.

– Ну а вы где были? Как в трезвяк попали? – поинтересовался я.

– У нас, Сид, все повеселей было! – ответил брат, и они, переглянувшись с Чином, заготали.

Сев вчера вечером в метро, они моментально подрались с мужичьем. Получили и те и другие. Потом где-то на Сенной Чин напал на китайца, за него вступились «предатели русской нации», поэтому пришлось убежать. А уже у выхода на станции «Гостинный двор» за распитие остатков спирта их приняли менты. Немного для порядка помутузив в отделе, отправили в медвытрезвитель, где они до полуночи буянили, издеваясь над пропитыми неудачниками и призывая к восстанию. За это санитарам им было сделано физическое внушение. И били бы их всю ночь, если бы брат не предложил денег. Тогда, видимо, и был совершен тот звонок мне домой. После угрозы, что если к утру денег не будет, то им кранты, их оставили в покое. Недолгий, но крепкий сон, и вот оно, утро, заглянувшее солнцем в большие окна на потолке. Солнечные лучи трезвости заставили обитателей задуматься о всем плохом и помечтать о спасении

жидкостями в разнокалиберных емкостях. А брату и Чину вид неба со свободно ползущими облаками навевал мысль о побеге. При помощи единственной не привинченной к полу кровати, поставленной на попа, и двух запуганных с ночи опоек, брат с Чинном выдавили стекло. И вот он, воздух, наполнил свободой легкие, вытесняя смрад нехорошего заведения. Оказавшись на крыше одноэтажного серого здания, слезли по пожарной лестнице. Огляделись, погони не было, и оказалось, что медвытрезвитель этот находится при больнице, где лежит в ожоговом отделении Рома Крейзи. Вот ведь как случай помог, подтолкнул навестить больного друга. Через главный вход не пустили. Пришлось с наглыми лицами и самоуверенными улыбками просочиться через приемный покой. Рома, длинный, жилистый и бесстрашный панк, лежал под капельницей. Руки от кончиков пальцев до локтей были туго забинтованы, так же было укутано бинтами лицо. Он сильно обгорел при следующих обстоятельствах. Ехал он, уколешенный, в лифте с панком Гансом, который дышал из стеклянной банки бензином. То ли запах стал раздражать Рому, то ли еще что, но он уколешенным нутром зашипел на Ганса.

– Ты че тут вдыхаешь?! Выкини банку, сволочь! – рычал Крейзи, пытаясь выбить банку из грязных лап.

Ганс же не хотел расставаться с бензином и, насупившись, предупредил:

– Рома, я щас подожгу его, – и достал зажигалку.

Крейзи все-таки выбил банку, Ганс чиркнул зажигалкой. Вспыхнуло все пространство тесной кабины. Вот так вот и ехали они несколько этажей в горящем лифте. На первом этаже, выскочив из глупого рукотворного пекла, Ганс, потушившись о мокрую улицу, после ошутимого пинка Крейзи скрылся в подвале, где у него была припрятана еще одна банка бензина. Оттуда его в бессознательном состоянии и вытащили чуть позже милиционеры, наведенные возмущенными жителями, которым уже надоел грязный ублюдок, провонявший весь подъезд бензиновым смрадом. Сгоревший лифт стал последней каплей, переполнившей чашу обывательского терпения. Крейзи же, находясь в шоковом состоянии, еще долго шлялся по микрорайону, пугая прохожих дымящейся косухой и обгоревшей рожей. Для куража отщипывал зубами поджаренные пласты кожи с рук и рычал в испуганные лица. В конце концов его подобрали слегка удивленные милиционеры. В отделе шок прошел и отпустили таблетки. И Рому накрыла лавина боли. Орал он без остановки до приезда кареты скорой помощи. Ему повезло больше: в лифте он успел присесть и закрыть голову руками. Огненный удар пришелся на руки, лицо пострадало не сильно. У Ганса же, помимо рук, обгорел нос, сгорело пол-уха и обожгло носоглотку. Крейзи оказался сознательным и принял решение вылечиться. А Ганс, как только чуть-чуть начали работать кисти рук, ночью вылез через окно во двор больницы и слил из машины скорой помощи бензин. Вернувшись, пройдя на цыпочках мимо спящей на посту медсестры, нашел самое укромное место – ординаторскую. Закрывшись на щеколду, развалился в кресле, предназначенном для главврача. Так и отдыхал до утра, с удовольствием вдыхая ароматный бензин, чуть подзабытый за время недолгого лечения. Пришли врачи на работу, утренняя летучка, бодрый главврач. Что такое? Дверь закрыта изнутри, и запах бензина. Сестры забегали, чувствуя неладное, вызвали слесаря, взломали дверь. Ганс и обгоревшим ухом не повел, полностью окунувшись в чудный и прекрасный мир галлюцинаций. Главврача чуть инфаркт не хватил. Его мягкое кресло и стол зеркальной полировки были залиты, загажены бензином. Вышвырнули Ганса из больницы, даже халат провонявший не отняв.

И вот лежит Крейзи куклой забинтованной, лечится. А тут эти двое с похмельем своим веселым. Рома, только увидев их, почувствовал: не к добру.

– Пошли на хер! – заорал он из-под бинтов, выпучив, к счастью, не пострадавшие глаза.

Чин с братом не могли упустить случай поиздеваться над беспомощным под два метра детиной.

– Чин, смотри, Рома болеет, бедняжка! Давай его покормим! – оскалился брат.

– Бедненький! Ручками пошевелить не может! Ха-ха! – засмеялся, заикаясь и капая от удовольствия слюной, Чин.

И принялись запихивать в рот Роме всяческий мусор из карманов, сильно при этом веселясь. Бедный Рома мог только рычать и слать проклятья сквозь сжатые зубы. На шум заглянула медсестра. Хотела что-то сказать, но, встретившись взглядом с парой безумных глаз, решила позвать на помощь. Всем персоналом отделения их вытолкали на лестницу. Все это время брат с Чином не могли успокоиться от раздражающего их смеха. У лифта столкнулись с санитаром скучного вида в замызганном халате с чернильными буквами на груди «пищблок». Такие же буквы, но красной краской с подтеками были на двух ведрах с облупившейся эмалью. В ведрах дымилась тушеная квашеная капуста. Брат схватил за ручку одно ведро, Чин второе. Санитар испуганно заморгал, но ведра не отпустил.

– Отдай объедки! – зарычал брат.

Чин захихикал. Санитар отрицательно замотал головой. Подъехал лифт. Ведра все-таки вырвали. Парень в белом халате, чуть не плача, побежал по этажу. В лифте, поедая руками капусту, Чин нашел целую сосиску.

– Зацени, Свин, целая! – удивился Чин.

Брат выхватил сосиску и запихнул в рот.

– Сука! – возмутился Чин, но тут же нашел еще одну.

– Совсем больные зажрались, уже мясо не жрут! – негодовал брат, раскопав у себя в ведре пару сосисок.

IV

В дверь громко постучали. Мы сразу выключили магнитофон и затаились. Наученные горьким опытом, мы больше не спрашивали через дверь, кто там, прикладывая глаз к отверстию в середине двери. Горький опыт был такой. Несколько недель назад мы дышали бензином здесь же – в лифтерской, находящейся в конце нашего дома в отдельной башне на крыше. Тогда с нами находились двое малолетних полубеспризорников из неблагополучных семей, которые уже несколько дней были у нас на побегушках. Мы подобрали их у метро. И вот эти два болвана, пока мы галлюцинировали в каморке (так мы называли эту лифтерскую), скинули с крыши тяжелый железный предмет и, отследив приземление, покинули не торопясь место подвига. Минут через двадцать кто-то постучал в дверь. Брат спросил, кто там, и прильнул лицом к дырке в двери. Через несколько секунд он с воплем, закрыв лицо руками, согнулся пополам, залитый прямо в глаз «черемухой».

– Открывай, сука, блять, стрелять будем! Милиция! – заорали с той стороны и затарабанили в дверь ногами.

Брат открыл и сразу получил рукояткой пистолета в лицо. Его схватили за шиворот и плашмя уронили лицом на крышу. Я стоял чуть дальше, выкинул пакет и ждал неминуемого. Оно не заставило себя долго ждать. Влетевший в каморку мент с разбега ударил меня ногой в живот.

– Руки за голову! – орал он, размахивая пистолетом.

Я завел руки за голову и получил кулаком в живот. Заскочил третий, тоже с пистолетом наголо. Молль сделал каменное лицо, зашел за вентиляционные трубы и застыл, притворившись, наверное, манекеном. Меня взяли за шиворот и ударили в лицо еще раз.

– Иди сюда, гондон! – Менты заметили Молля.

Он отвернулся к стене. Меня вышвырнули на крышу. Там лежал брат – с раздвинутыми ногами, лицом вниз, руки за головой.

– Ложись! – приказал мент, тыкая в мою сторону пистолетом.

Я лег рядом с братом.

– Это пиздец! – сказал брат шепотом.

Из каморки доносились ругательства ментов и жалобные крики Молля вперемешку со звуками глухих ударов. Молль явно не хотел выходить. Наконец вытащили и его. Нас с братом поставили на ноги. Молль стонал, все его лицо было залито кровью.

– Ну что, бля, Гребневы, допрыгались! – сказал нам участковый, надевая на нас с Моллем одни наручники на двоих, причем обоим на правую руку.

– А ты руки вверх! – сказали брату и повели нас, подталкивая, по лестнице вниз.

– А в чем дело-то, Александр Петрович? – спросил в лифте брат.

– В чем, в чем, жопа вам! – улыбался участковый. – Старушку вы убили!

– Какую, блять, старуху?! – заорал Молль и получил кулаком под дых.

– Какую старушку? – удивленно выпучил брат глаза.

– Видели вас, как сбрасывали хрень железную, аккуратно бабке на голову! – лыбился участковый.

– Александр Петрович, это ошибка, бред! Мы ничего не сбрасывали! – закричал брат и даже руки опустил, чтоб развести их в стороны.

– Руки за голову, урод! – среагировал невысокий, но крепкий молодой мент и ударил брата куда-то в печень.

– В отделе опера разберутся, кто что кидал! Ты, Свин, меня уже порядком заебал! – сморщившись, сказал участковый и переложил пистолет в другую руку.

Нас вывели из парадняка.

– Клешни подняли! – фыркнул на нас высокий мент со злобным выражением лица и надвинутой на глаза фуражкой.

Так и шли по двору: брат с руками за головой, с приставленным к шее стволом, и мы с поднятыми «клешнями» и тоже на прицеле. На скамейках сидели дворовые гопники. Увидев нас, они раскрыли рты и зашептались. Увидев вытянувшиеся рожи дворовой гопоты, я почувствовал себя настоящим опасным преступником. Нас привели в опорный пункт милиции, находящийся в нашем доме. Там нас немного попинали. А потом выяснилось, что Александр Петрович, сорокапятилетний щуплый мужик с как будто приклеенными усами, обманул. Старухе повезло – железная болванка упала в метре от нее, пробив асфальт на десять сантиметров. Мамаши, гулявшие с детьми в песочницах и на качелях, задрав головы, увидели два силуэта на крыше. Испуганная бабуля, разойдясь случайно со смертью, разгневалась и обратилась в милицию. Сотрудники от нечего делать среагировали быстро и слаженно. И вот мы здесь, в гостях у возмездия. Проведя профилактическую трепку, нас выгнали вон. Предупредив напоследок, что в следующий раз либо посадят, либо сбросят с крыши, как ту железную болванку. С тех пор мы не имели дела с малолетними грязнулями и больше не спрашивали через дверь, кто там, прикладывая глаз к отверстию посередине.

Но вот опять постучали. Брат нахмурился и приставил палец к губам. У двери с той стороны кто-то копошился, пытаясь подцепить чем-то засов. Менты так не ломаются. Если лифтеры, придется драться. Я все-таки тихо подкрался к двери и аккуратно заглянул в дырку. С той стороны маячила неприятная рожа Ганса.

– Это Ганс, – сообщил я шепотом брату.

– Спроси его, один ли он.

– Ганс, ты один? – спросил я громко.

Ганс вздрогнул, зачем-то оглянулся.

– Один.

– Один, – сообщил я.

– Пускай!

На Гансе была пижама, лицо в зеленке, в руках ведро с кривой надписью «пол» на боку.

– Здорово, братишки! – улыбался он, пожимая нам руки.

На дне ведра плескалось литра два бензина. Ганс появился у нас пять дней назад. Со своим сгоревшим наполовину ухом, с полузажившими ожогами на лице, с которых, когда он чесался, слетали хлопья кровавой овсянки. Не лучше были и руки, выглядели они как лапы старой черепахи из школьного кабинета биологии. Выгнанный из больницы, недолеченный, он приехал в халате к нам – больше некуда было. Мы дали ему старые отцовские военные брюки и рваные башмаки. Халат он обрезал, получилась рубаха. В дворницкой он нашел дерматиновый коричневый плащ. Весь драный, но с искусственного меха воротником, с кушаком, с большой медной бляхой. Ночевал Ганс в камере. По утрам, когда не было нашей мамы, приходил к нам домой «помыть руки». Из ванной комнаты его приходилось выгонять – не успеешь оглянуться, он уже чистит зубы твоей зубной щеткой и моет вонючие подмышки маминым шампунем. Единственная польза от него была в том, что он очень профессионально сливал (даже днем!) бензин из баков пустующих машин. Занимало это у него буквально секунды – подойдет к тачке, примерится, свернет крышку бензобака, шланг сунет, несколько подсасывающих движений ртом, и льется в ведро или в банку драгоценная жидкость. Пришел вот так вот как-то днем уже с бензином в банке, под моим контролем помыл руки, успев, правда, выдавить в рот полтюбика зубной пасты, мятной маминой. У нас колеса были, закинулись. Скоро мама должна была прийти с работы. Разлили бензин. Вышли. Ганс в пальто своим ногой дверь открыл. А тут, опа, случайный неспешный патруль в составе двух знакомых ментов.

– О бля, Бензин! – обрадовался один из них.

Кличку Бензин они ему давно дали, когда он раньше приезжал к нам.

– Куда пропал, Бензин? – добродушно спросил второй.

– А вы, кстати, куда, Гребневы? – спросил первый нас с братом, пытавшихся отойти в сторону, как будто мы здесь ни при чем.

– Сюда идите! – приказал второй.

Мы подошли, вздохнув.

– Руки в небо! – почти ласково.

Подняли руки. Второй мент прохлопал карманы, в которых обычно ничего не лежало и не хранилось. Циклодол на всякий случай я носил в носке. А бензин мы с братом уже неделю для конспирации наливали в жестяные банки из-под кока-колы. Это брат придумал. Дырочка в боку, и дышать можно даже в метро. Вот и сейчас в задранных наших с братом руках были сжаты жестянки с бензином. Ганс же дышал по старинке из пакета, который он, увидев ментов, успел спрятать в карман. Но маслянистый кончик пакета торчал.

– Это что, бензин? – спросил первый мент, тыкая дубинкой в Ганса.

Вздохнув, Ганс достал пакет.

– Понятно! – сморщился второй.

– Что еще в карманах, руки подними! – Первый мент брезгливо провел руками по плащу. Во внутреннем верхнем кармане справа что-то топорщилось бугром.

– Что там? – спросил строго первый мент.

– Ничего, – Ганс смущенно отвернулся.

– Доставай, бля! – рыкнул второй и ткнул Ганса дубинкой в живот.

Ганс надулся, уперся взглядом в землю и пробурчал под нос, пытаясь отойти:

– Не буду!

– Стоять, сука! – сказал первый и схватил Ганса за рукав.

Второй, преодолев отвращение, полез Гансу в карман. Тот покраснел. Двумя пальцами мент вытащил что-то скомканное. Развернул. Мы с братом засмеялись.

– Блять! – выпучил глаза первый.

– Идиот, сука! – выругался второй и бросил на асфальт грязный и мятый школьный галстук с пришитой белой резинкой.

Ганс смущенно улыбнулся, разве что ножкой не шаркнул.

– Ладно, Бензин, пойдем, – приказал первый.

И под наш с братом хохот они повели Ганса в опорный пункт. Ганс шел широким шагом посередине тротуара. Руки за спиной, развевающийся плащ. Менты по бокам с метровой дистанцией. Мы смеялись, он обернулся и, улыбаясь, помахал рукой. С тех пор уже два дня о нем ничего не было слышно. Мы уже подумали, что его опять посадили. Сажали его часто, но ненадолго, так, для раскрываемости. То за дело, а то и чужое вешали. И вот он здесь, перед нами, битый и в пижаме.

– Ты откуда такой? – спросил брат, ухмыляясь гансовскому виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.